
Даша Холмс
и письма
почтового сада
Вторая повесть

Ефим Семяшкин

Даша Холмс и письма почтового сада

https://litres.ru/74818594
SelfPub; 2026

Аннотация

Пять нарисованных листьев вместо адреса — странная затея даже для провинциальной почты.

Даша Холмс и Евфимий собирались лишь ненадолго свернуть с дороги в столицу. Но у старой почтовой станции их ждёт ящик недоставленных писем. Одно исчезло совсем недавно. Другое много лет хранит признание, адресованное человеку, которого ещё предстоит найти.

Среди цветущих яблонь и речных туманов герои ищут дорогу по листьям, сверяют старые записи и всё чаще замечают, как неловко люди умеют прятать самое важное. Здесь пригодятся и Дашина наблюдательность, и садовое искусство Евфимия. А отпуск Почта, видимо, снова отправила его не по тому адресу.

Тёплая детективная сказка о запоздавших словах, непростом прощении и двух людях, которым среди всех этих хлопот очень хочется остаться вдвоём.

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 16
Глава третья 28
Глава четвёртая 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Ефим Семяшкин
Даша Холмс и письма почтового сада

Даша Холмс и письма почтового сада
Вторая повесть
Тебе, Даша, —

за тёплые слова,

из которых вырос этот сад.

Почта, конечно, настаивала

на точном адресе.

Но этой сказке

достаточно твоего имени.

Глава первая

Звонок у калитки

Утренний пароход шёл против течения. Тихая Пристань осталась за поворотом, а на воде ещё долго лежали светлые полосы от городских крыш. Потом берега сблизились. С севера к реке спустился лесистый склон, на южном берегу показались луга с островками ольхи.

Даша Холмс, имперский сыщик в отпуске, стояла у поручня. Ветер забирался под воротник, и она время от времени прятала нос в шарф. Евфимий поставил сумки под скамью и принёс ей чашку горячей воды.

— Чай обещали позже, — сказал он. — Пока согрейся.

Она обхватила чашку левой рукой. Правую ладонь ещё закрывал узкий пластырь. Книга о речных птицах лежала у неё в сумке; утром Даша сама переложила её с гостиничной полки.

Чайник и обе чашки Аграфене вернули накануне. На дорогу она дала два пирожка и велела брать комнату с сухой стеной. Отпуск она считала полезным делом, требующим присмотра.

Евфимий достал письмо Веры: она просила взглянуть на конверт с листьями вместо адреса. Он помнил сад с детства, потому они и свернули с дороги в столицу.

— Я всё-таки узнала зимородка, — сказала Даша, глядя

на прибрежные ветви.

— Заметил.

— А ты ничего не сказал.

— Ты так смотрела. Не хотелось мешать.

Она повернулась к нему и коснулась плечом его руки. Некоторое время они молчали. На мокром пне у воды сидела большая серая птица; пароход прошёл мимо, и она не сочла нужным уступить ему место.

К полудню пристали у северного берега. Здесь было всего несколько домов, длинный сарай для почтовых тюков и деревянный спуск к воде. Под крышей висела доска с расписанием. В углу чьей-то рукой было приписано: «Если туман, смотреть на реку».

Евфимий прочёл приписку и улыбнулся.

— Это здесь умеют.

От пристани поднималась дорожка, выложенная плоским камнем. Между плитами росла трава, сухая сверху и мокрая у корней. На повороте показалась белая стена старой почтовой станции. От неё к саду тянулась невысокая каменная ограда. Над калиткой темнел маленький колокол.

Евфимий остановился.

Верёвка по-прежнему висела высоко. Он дотянулся до петли и потянул. Колокол ответил чисто, неожиданно громко для такого маленького двора.

— Теперь достаёшь, — сказала Даша.

— Пришлось подрасти.

За оградой скрипнули шаги по гравию. Калитку открыла женщина с тёмной косой, уложенной вокруг головы. На рукаве у неё прилип узкий лепесток белой сирени. Она посмотрела на Евфимия, потом на письмо в его руке.

— Вы всё-таки приехали. Я Вера Листова. Проходите, пожалуйста.

Он представил Дашу. Вера придержала калитку, пропуская её первой.

— У меня руки в земле, — пояснила она. — Хотела сперва отмыться, а потом уже встречать гостей. Но яблони со мной не согласовали ваше прибытие.

Внутри пахло влажным камнем и сиренью. Вдоль северной стены ещё держались белые кисти, в тени под ними темнела земля. Дальше поднимались яблони с плотными розовыми бутонами. На одной нижней ветке раскрылись три цветка. Под деревьями стояли скамьи, разные по высоте и цвету: некоторые чинили недавно, другие давно привыкли к собственному наклону.

Вера заметила взгляд Даши.

— На ту, у вяза, лучше пока не садиться. Остальные проверены.

С дорожки они свернули к небольшому дому с двумя окнами на сад. У двери сохли щётки для обуви. На стене висела потемневшая эмалевая табличка «Выдача»; под ней стояла лейка.

— Станцию перенесли к пристани, когда начали ходить

пароходы по новому расписанию, — сказала Вера. — Дом оставили саду. Наверху свободные комнаты. Можете сначала отдохнуть.

Евфимий поставил сумки в прихожей. Даша оглядела комнату: длинный стол, книжный шкаф, печь с голубыми изразцами. Из открытого окна виднелась река.

— Здесь хорошо, — сказала она.

— Останьтесь хотя бы на несколько дней. Нам пригодятся ваши руки и глаза. Отец, когда я сказала, кому пишу, сразу вспомнил вас с маленькой лопатой.

— Лопата была большая. Я был маленький.

Из соседней комнаты донеслось:

— Лопата была моя, и я её потом искал до вечера.

В дверях появился седой мужчина в жилете. Он опирался на трость, но взгляд у него был живой и внимательный. Евфимий шагнул к нему.

— Леонтий Андреевич?

— А ты думал, нас вместе со станцией перенесли?

Они пожали друг другу руки. Старик отступил, чтобы разглядеть гостя целиком.

— Отец твой тогда велел дать тебе дело. Ты выкопал три ямки и очень настаивал на четвёртой. Помнишь?

— Помню, что в одной оказался камень.

— Во всех. Поэтому я и перестал давать лопату.

Вера принесла таз с водой и полотенце, потом поставила на стол хлеб и сыр. Леонтий Андреевич выбрал стул у окна.

Прежде он служил на станции; теперь садом и домом занималась дочь.

Даша вымыла руки, стараясь не намочить пластырь. Евфимий подвинул таз и подал ей сухой край полотенца. Вера тем временем убрала с середины стола стопку садовых журналов.

— Письма здесь? — спросил он.

— В шкафу. Я покажу после чая. Вы, наверное, ещё не обедали.

— Пирожки были, — сказала Даша.

— Значит, чай можно подать сразу.

За окном мелькнуло белое платье: девочка пробежала с пустой корзинкой. Вера окликнула её и попросила напомнить у пристани о мешке с углём. Девочка кивнула, снова посмотрела на гостей и исчезла за кустом сирени.

— Дети из соседних домов помогают, когда есть время, — сказала Вера. — Лидия Клёнова, учительница, собирает с ними старые названия растений. К открытию цветения хотят сделать небольшой показ. Четыре дня осталось, а у них ещё пять разных мнений о том, как должна выглядеть одна табличка.

Леонтий Андреевич отломил хлеба.

— Пусть сделают пять. Растение выберет.

Когда посуду отодвинули, Вера достала ключ из кармана передника. Открыла нижнюю дверцу шкафа и вынула плоский деревянный ящик. На потемневшей крышке сохрани-

лась синяя полоса, часть бумажной наклейки и круглое пятно от чего-то, долго стоявшего сверху.

— Нашли шесть дней назад, когда снимали старую обшивку в павильоне. Я написала вам, как только разобрала наружные надписи. Кровельщик хотел вынести ящик с прочими досками; хорошо, что крышка откинулась.

Она раскрыла её. Внутри лежали конверты, каждый в отдельной бумажной обёртке. Под бечёвки были подложены полоски с номерами. Сверху Вера сняла лист.

— Здесь что нашли. Позавчера сверяли с Лидией. Дату и число поставили обе.

Леонтий Андреевич потянулся за очками.

— Письма не вскрывали?

— Нет, папа.

— Правильно.

Вера положила перед Евфимием седьмую обёртку. В ней оказался узкий конверт, пожелтевший по краям. На передней стороне вместо имени и улицы были нарисованы пять листьев. Черешки у всех смотрели в разные стороны. Вокруг одного листа бумага потемнела сильнее.

Даша придвинулась ближе.

— Можно посмотреть?

Вера кивнула. Даша придержала обёртку, а Евфимий повернул конверт к свету, поддерживая его снизу.

— Липа и клён, кажется, — сказал он. — Остальные надо сравнить. По такому рисунку лучше не торопиться.

— Мне тоже липа видится, — отозвался Леонтий Андреевич. — Только она тогда росла не там, где сейчас.

— Липу переносили? — спросила Даша.

— Липу спилили. А нынешнюю посадили у дома. Люди имя оставили, дерево сменилось.

Вера подвинула ему очки.

— Ты ведь помнишь, кому так писали?

Старик долго смотрел на конверт.

— В саду жили ученики. Кто-нибудь мог придумать свой адрес. Скамья, дерево, поворот дорожки. По именам почтальон их знал лучше, чем по фамилиям. Но именно этот я тебе не назову.

Он положил очки на стол, сложив дужки одну поверх другой.

— Давно прошло.

Даша посмотрела на Евфимия.

— Попробуем сперва найти адрес. Письмо подождёт своего человека.

Он кивнул. Вместе они убрали конверт в обёртку. Вера потянулась к ящику, но Даша заметила, что один номер на бумажной полоске загнулся внутрь.

— Давайте поправим. Потом при сверке можно пропустить.

Они разложили обёртки по порядку, освобождая место на столе. Вера называла номер, Даша находила строку в описи, Евфимий укладывал конверт рядом. Сургуч и клапаны не

трогали. Леонтий Андреевич молча следил за их руками.

После одиннадцатого Вера взяла четырнадцатый. Поискала в ящике и нашла тринадцатый, лежавший под длинным конвертом. Двенадцатого не было.

— Наверное, дальше, — сказала она и вынула остальные.

До восемнадцатого дошли быстро. Даша ещё раз сверила строки, затем проверила пустые обёртки: не слиплись ли две. Евфимий приподнял ящик и посмотрел под ним. На столе лежало семнадцать конвертов.

Вера взяла опись.

— Позавчера было восемнадцать. С Лидией по очереди считали. — Вера прижала опись к столу. — Я их людям вернуть собиралась. А теперь здесь уберечь не сумела.

— Давайте по порядку. Кто после этого смотрел ящик? — спросила Даша.

— Я. Отец. Вчера Егор Берестов приезжал, у него питомник выше по дороге. Хотел помочь с названиями для показа. И Лидия сегодня утром заходила за своим листом, но конверты при мне не вынимала.

Леонтий Андреевич положил ладонь на край стола.

— Дверца всё время заперта?

— Когда меня нет, да. У тебя второй ключ.

Он кивнул. Даша попросила пока оставить всё на столе и закрыла окно: край описи шевелился на сквозняке. Из сада донёсся звон колокола у калитки. Вера вздрогнула, потом сказала, что это привезли уголь, и позвала девочку принять

мешок.

Евфимий остался рядом с письмом, на котором были нарисованы листья. Даша пододвинула к Вере свободный стул.

— Расскажите, как вы их нашли. С самого начала.

Вера села и расправила опись обеими ладонями. Напротив двенадцатого номера было написано: «В правление садовой школы».

Глава вторая

Семнадцать конвертов

Вера начала с доски, которую никак не удавалось снять.

— Снизу у неё всё сгнило, а верхний гвоздь держался. Кровельщик сердился, потом принёс другие клещи. Я была возле грядок. Услышала, как что-то упало, и подумала: наконец-то.

— Ящик упал? — спросила Даша.

— На доски. Не на землю. Когда я подошла, он уже лежал на боку. Крышка отошла, и из щели торчала бумага. Кровельщик хотел всё вынести за ограду: там складывали то, что пойдёт на растопку.

Евфимий повернул пустой ящик. Вдоль задней стенки тянулся светлый след; под ним древесина была темнее, чем на крышке. Из боковой дощечки выступал короткий загнутый гвоздь.

— Это лучше осмотреть на месте, — сказал он. — Где доски стояли, куда могло попасть с крыши. Ты сохранила обшивку?

— Часть. Велела не жечь, пока мастер не закончит. Он ещё надеется найти хоть одну доску, которую можно поставить обратно.

Вера потёрла большим пальцем ладонь. Под ногтем оставалась тёмная полоска земли.

— Я увидела адреса и принесла ящик сюда. Выложила всё на стол, записала, что могла прочесть. Отец в тот день ходил к лекарю. Вернулся уже вечером.

Леонтий Андреевич кивнул.

— Дождь застал по дороге. Думал переждать у пристани, да там крыша короче дождя.

— Первая запись осталась? — спросила Даша.

Вера встала. На полке рядом с садовыми журналами лежала тонкая тетрадь в крапчатой обложке. Между страницами она отыскала сложенный вчетверо лист. С одной стороны был счёт за оконное стекло; на другой теснились карандашные строчки.

— Хорошей бумаги под рукой не было. Тут половину потом пришлось разбирать у окна.

Даша развернула лист. Вера писала без номеров, отделяя одну запись от другой короткой чертой. «Госпоже смотрительнице», «ученице Лизе», название деревни, два неразобранных слова. Почти посередине стояло: «В правление садовой школы». Рядом, поперёк строки, было приписано «синеватый».

— Что это значит?

— Конверт. Серо-голубая бумага, чуть больше остальных. У левого нижнего угла не хватало кусочка. Будто мышь откусила, только ровно, полукругом.

Она показала ногтем на край чистого листка, не касаясь старых писем.

— Адрес фиолетовыми чернилами. Очень мелко, а буквы ясные. Я ещё подумала, как аккуратно человек выводил слово «правление» на такой грубой бумаге.

Даша записала цвет, почерк и повреждённый угол: в описи против двенадцатого номера стоял только адрес.

— А номера когда дали?

— Позавчера. Лидия пришла помочь. Сделали обёртки, чтобы не перекладывать голыми руками, и разложили от первого до восемнадцатого. Я называла адреса, она записывала. Потом поменялись.

Даша сосчитала строки на обороте счёта. Их было восемнадцать. Одна запись занимала две строки, другая умещалась в два слова; короткие чёрточки помогали не сбиться.

Первые заметки совпадали с описью не во всём. Там, где Вера написала «Лизе», в новом списке стояло «Елизавете»; у одного конверта позднее разобрали деревню. Школьный адрес был на обоих листах.

Евфимий тем временем разложил бумагу на свободном краю стола. Проверил сгибы, осторожно провёл пальцем по дну ящика, посмотрел в зазор у дощечки. Леонтий придерживал лампу, которую Вера принесла из соседней комнаты.

Нашёлся засохший кокон, кусочек старой наклейки и семечко, застрявшее в щели. Недостающего конверта не было. Обёрток тоже оказалось семнадцать; отдельной полоски с двенадцатым номером не нашли.

— Если его взяли вместе с обёрткой, поднимать сургуч не

требовалось, — сказал Евфимий.

— Пока мы знаем только, что здесь его нет.

Даша подвинула к нему первый лист. Он прочёл строчку о школе и положил его рядом с описью.

Из прихожей донеслось сопение. Девочка в белом платье появилась в дверях с угольным пятном на щеке. За ней виднелась половина мешка и сапог человека, который держал вторую половину.

— Куда ставить?

Вера показала на кухню.

— Только на тряпку. И попроси, пожалуйста, Лидию зайти, когда освободится. Скажи, гости приехали, мы хотим спросить о письмах.

Девочка потёрла щёку и сделала пятно заметнее.

— А про таблички спрашивать будут?

— Пока про письма.

Она явно сочла это хорошей новостью.

Вера проводила угольщика, вернулась с тарелкой и накрыла чистым полотенцем часть стола у печи.

— Я вам всё-таки оставлю обед. Вы можете пока никуда не торопиться.

Даша взглянула на семнадцать обёрток.

— Тогда давайте сперва уберём это. По одной, при всех.

Вместе с Верой они сверили номера и наружные адреса. Евфимий уложил конверты обратно; запечатанное письмо с листьями легло между шестым и восьмым. Даша записа-

ла, что осмотрели. Вера поставила дату и подпись и заперла шкаф.

Леонтий вынул свой. Маленький ключ с потемневшей бородкой лежал на кольце рядом с большим, от калитки.

— Этим открывал, — сказал он. — Позавчера вечером. После их счёта.

Даша подняла глаза.

— Вынимали письма?

— Ящик вынул. Хотел прочесть адреса. Вера пошла к соседке, у той ногу свело, а я остался здесь. Потом убрал на место.

— Считали?

— Нет.

Старик повернул кольцо. Большой ключ тихо стукнул о маленький.

— Утром вчера открывал ещё раз. Посмотрел на крышку. Думал, разберу наклейку. Глаза уже устали, оставил.

— А после вчерашнего обеда?

— Больше не доставал. Сегодня с утра был у реки.

Вера посмотрела на отца.

— Ты мне про вечер не говорил.

— Ты спрашивала, нашёл ли я знакомых. Я не нашёл.

Он спрятал ключи и потянулся за тростью. На её ручке блестело место, отполированное ладонью.

— Я у окна посижу. Если ещё спросите — услышу.

Евфимий отодвинул стул, освобождая ему проход. Даша

дождалась, пока Леонтий устроится у открытой форточки, и повернулась к Вере.

— Теперь про вчерашний приезд. Егор смотрел все письма?

— Начали с листьев. Он привёз серую картонную папку для показа: два больших переплётных картона, между ними рисунки и чистый лист для наших табличек. Всё перевязано тесёмкой. Такие папки у Лидии тоже есть.

Вера взяла с полки пустой картон и положила на стол. Он был немногим короче столешницы.

— Этот лист он нам оставил. Папку с рисунками потом снова перевязал и увёз. Мы собирались вырезать подложки под таблички. Сначала Егор смотрел рисунок на конверте. Потом спросил, есть ли ещё письма ученикам. Я разрешила прочесть снаружи, чтобы попробовал узнать фамилии. Он когда-то здесь учился.

— И что-нибудь узнал?

— Сказал, надо подумать. Я принесла ящик, а он разложил свои листы рядом. Стол был почти весь занят.

Даша представила конверты между большими картонами. За ними можно было скрыть и конверт, и движение руки.

— Вы всё время оставались в комнате?

— За бумагой ходила в кладовую. Он попросил узкие полоски, попробовать надписи. Минуты на две. Когда вернулась, часть писем уже лежала в ящике. Остальные мы убрали вместе.

— Пересчитали?

Вера покачала головой.

— Он ведь пришёл помочь.

Она произнесла это тихо, глядя на пустой картон.

Даша отложила карандаш.

— Про каждый визит нужно узнать одно и то же. Отец тоже оставался с ящиком один. И вы сами перекладывали письма после первого счёта.

— Я понимаю. Просто теперь вспоминаю совсем не то, что вчера.

На улице застучали шаги. Кто-то остановился у двери, отряхнул подошвы и вошёл, всё ещё держа в руках маленькую обувную щётку.

— У вас она каждый раз в другом месте, — сказала пришедшая. — Человек успевает вычистить один сапог и теряет щётку.

Это была женщина в тёмно-зелёном платье. К воротнику пристал белый шёлковый волосок от тополя; под мышкой она держала тетради.

Вера представила Лидию Клёнову. Учительница поставила щётку у порога, поздоровалась и сразу спросила:

— Что-то не разобрали?

— Не досчитались, — ответила Вера.

Лидия перестала снимать перчатку.

Даша предложила ей сесть. Опись пока оставила закрытой своей тетрадью и попросила рассказать о позавчерашней

работе. Учительница вспомнила, как они делили чистую бумагу, как пришлось дважды переписывать деревню на пятом конверте и как Вера сверяла её записи вслух. Оба счёта дали восемнадцать.

— В правление школы тоже было письмо? — спросила Даша.

— Да. Большое, синеватое. Я положила его ближе к себе, оно всё время сползало с маленькой обёртки. Угол там надорван, я боялась зацепить.

Лидия показала левый нижний угол лежавшей перед ней тетради.

Теперь Даша открыла опись и подвинула к ней. Учительница нашла свою подпись, прочла несколько строк и остановилась на двенадцатой.

— Вот оно. Пропало?

— Сегодня его нет. Семнадцать остальных сверили.

В комнате стало слышно, как Леонтий поворачивает лист газеты. Бумага хрустнула и замерла.

— Я утром свой список забирала, — сказала Лидия. — Вера, покажите, где он лежал.

Вера указала на верхнюю открытую полку. Там стояла плоская корзинка с образцами новых табличек.

— Под ней. Он застрял за донышком.

Лидия раскрыла одну из принесённых тетрадей. Внутри лежал лист с названиями растений. Напротив нескольких слов были написаны детские имена, одно перечёркнуто и по-

ставлено другое. Нижний край волной загнулся от сырости.

— Распределяли, кому что описывать. У Тимоши сначала была сирень, потом он выменял её на крыжовник. Объяснил, что с крыжовником знаком лично.

Евфимий улыбнулся.

— С ним трудно познакомиться заочно.

Список был больше любого из конвертов и исписан с обеих сторон. Даша записала, откуда его забрали.

— А вчера вы здесь были? — спросила она.

— Нет. Занятия, потом ходили с детьми к лугу. Картон для табличек обещал привезти Егор. Привёз?

Вера кивнула и показала пустой лист.

Лидия проверила его толщину.

— Хороший. Даже жаль резать. Но у нас пятнадцать табличек, а у него целый питомник. Пусть не обижается.

Даша попросила пока не смешивать оставшиеся вчерашние обрезки с новой бумагой. Вера нашла для них пустой лоток. Ни среди обрезков, ни под корзинкой школьного конверта не было.

Лидия снова посмотрела на шкаф.

— Я хотела для показа переписать несколько писем. Думала, как интересно будет услышать голоса тех учеников.

— Они, возможно, сперва хотели бы услышать друг друга, — сказал Евфимий.

Учительница помолчала.

— Да. Я, кажется, уже успела придумать им слушателей.

Она закрыла тетрадь с детскими именами и спросила, чем помочь теперь.

Для начала Даша попросила её сохранить первые записи и подписанную опись вместе. Открытые сведения об адресах можно было переписать на рабочий лист; повреждённый угол и цвет чернил двенадцатого конверта пока оставались только в её тетради. Вера и Лидия согласились не разносить эти подробности по саду. Письма вновь посмотреть можно будет в их присутствии.

Леонтий сложил газету.

— А доставлять их вы всё-таки будете?

— Будем искать адресатов, — ответила Вера.

— Это хорошо.

Он произнёс это чуть раньше, чем дочь закончила говорить, и Даша заметила, как она посмотрела на него. Леонтий опустил взгляд на рукоять трости.

После обеда Лидия ушла к детям. Вера проводила её до калитки, захватив по дороге обувную щётку: теперь та почему-то лежала на подоконнике. В комнате на несколько минут остались только Даша и Евфимий; Леонтий прилёг у себя.

Евфимий отодвинул от стола два стула и поставил их у окна.

— Ты ведь тоже можешь сесть.

Она села, опустила руки на колени и посмотрела на закрытую тетрадь.

— Мы ведь только сегодня приехали?

— Да.

— А я уже всё вокруг себя переложила.

Он устроился рядом. Из окна дуло тёплым воздухом. В саду кто-то примерял табличку к колышку, постучал по ней и решил обойтись ещё одним гвоздём.

— Леонтий мне помнится очень большим, — сказал Евфимий. — Не только потому, что я был маленький. Он всегда знал, кому что отнести и где найти человека. Стоило спросить — уже вставал.

Даша подвинулась так, чтобы его колено коснулось её колена.

— Я ещё его расспрошу. Но сначала посмотрим павильон.

— Хорошо.

Он взял со стола чистый лист и спросил, что перенести с конверта для прогулки.

— Все листья, — сказала Даша. — И черешки. Пусть смотрят в ту же сторону.

Вера ненадолго достала седьмую обёртку и подержала её у окна. Вместе они срисовали пять листьев; Евфимий подписал под двумя рисунками: «липа?» и «клён?». Вера снова убрала письмо.

— Так и оставите вопросы? — спросила Вера.

— Оставлю. Иначе я по дороге забуду, что мы ещё ничего не сравнивали.

У дома шелестела новая липа. Даша посмотрела на её молодую листву, потом на скамью под вязом. Между ними шла

дорожка, местами присыпанная свежим песком.

Вера принесла из прихожей лёгкую шаль.

— К реке ближе потянет. Возьмите, если пойдёте в ту сторону.

Евфимий подхватил шаль, Даша взяла лист с рисунками. На пороге она остановилась, давая Вере запереть дом. Из сада было видно, как высоко висит петля колокола: под ней тянулась пустая полоска стены, вытертая множеством рук.

За время, пока разбирали семнадцать конвертов, на яблоне у калитки успел раскрыться ещё один цветок.

Глава третья

Куда указывает черешок

Евфимий свернул с дорожки раньше, чем Вера успела показать поворот. Сделал ещё два шага и остановился перед густым кустом.

— Здесь был проход.

Из середины куста высунулась веточка и зацепила пуговицу его жилета.

— Был, — согласилась Вера. — Смородина его не одобрила.

Даша освободила пуговицу. Евфимий посмотрел в просвет между листьями: дальше виднелись край старой плиты и заросшая полоса вдоль ограды. Он запомнил место и вернулся на песок.

За домом сад поднимался к северу пологими уступами. Яблони росли на травяных площадках, между ними петляли дорожки; кое-где землю удерживали низкие стенки из плоского камня. Справа, у восточного края, белел садовый дом. Слева над оградой стоял вяз с широкой кроной. Река оставалась внизу, за южной стеной; её было слышно по стуку лодки о причальную сваю. От воды потянуло прохладой. Евфимий развернул шаль и положил Даше на плечи.

У молодой липы Евфимий развернул рабочий лист. Даша придержала его за нижние углы.

— Начнём с того, в чём почти уверены, — сказал он.

Вера пригнула низкую ветку. Лист был ещё тонкий, светился насквозь. Евфимий подвёл под него бумагу и сравнил очертания, зубчики по краю, жилки у основания.

— Похоже. Но такой лист можно взять с любой липы в саду. И с той, которая росла здесь до нас.

— Ты уже хочешь оставить вопрос? — спросила Даша.

— Мы узнали липовый лист. А с какой он липы — ещё нет.

Вместо вопроса после слова «липа» он написал: «какая?».

Вера отпустила ветку. Та качнулась и мазнула Евфимия по щеке.

У следующей развилки он нашёл клён. Его листья были крупнее нарисованного; Евфимий выбрал небольшой, на затенённой стороне, и долго сравнивал края. Потом позвал Дашу ближе.

— Здесь художник убрал лишнее. Но основные жилки оставил. Клён, скорее всего, верно.

Возле слова «клён» он дописал: «где?».

— А этот? — Даша указала на округлый рисунок рядом.

У стены рос орешник. Вера называла его лещиной; Евфимий объяснил, что спорить из-за этого им не придётся. Он сравнил несколько листьев на разных побегах и подписал третье название. Ещё один рисунок состоял из маленьких листочков на общей оси.

— Рябина? — предположила Вера.

— Посмотрим.

Рябин оказалось две: одна у дорожки, другая ближе к павильону. Обе подошли к рисунку. Евфимий вписал название, оставив рядом место для уточнения. Пятый лист был вытянутый, с частыми зубцами; у основания одна половина спускалась ниже другой. Евфимий задержался над ним, посмотрел на вяз и пока оставил место пустым.

— Я бы ещё с живым сравнил. Здесь мы могли неточно скопировать.

Даша провела пальцем над листом.

— Почему они повёрнуты так неудобно? Если человек хотел, чтобы растения узнавали, мог нарисовать все прямо.

Евфимий молча повертел бумагу. У липы черешок был длиннее, чем требовалось для простого рисунка; у клёна уходил вбок, у орешника загибался в другую сторону. Пять кончиков смотрели в разные стороны, как пальцы растопыренной руки.

Он положил лист на широкую каменную плиту у дорожки и прижал углы двумя камешками.

— Вот это я бы пока совсем не исправлял, — сказал он. — Даже если решим перерисовать листья красивее.

— Думаешь, черешки что-то показывают?

— Может быть, куда идти от дерева. Смотри: для ботанического рисунка они слишком настойчивые. Сам лист местами пропущен, а эта линия выведена до конца.

Вера присела возле плиты.

— Ученики тут иногда прятали друг для друга записки. Отец говорил.

— Если начинать у нынешней липы, — Даша повернула лист так, чтобы рисунки были перед ней, — какой поворот получится первым?

Евфимий поднялся и прошёл до развилки. Одна дорожка вела к клёну, другая огибала яблони, третья поворачивала к дому. Он попробовал сопоставить их с черешком, вернулся и встал с другой стороны плиты.

— Можно подобрать два, — сказал он. — Если не знать, откуда подходишь.

Они прошли к клёну по ближайшей дорожке. Следующий поворот вывел их к ограде, где между стволами стояли перевёрнутые горшки. Орешник остался далеко сзади.

Даша оглянулась.

— Мы уже можем объяснить, почему это верно. Нужно только забыть про половину сада.

— Тогда лучше вернёмся за половиной, — ответил Евфимий.

Он поднял с земли сломанную прошлогоднюю веточку и начертил на свободном клочке земли три дорожки. Потом поставил рядом камешек.

— Это липа у дома. А прежняя могла стоять совсем в другом месте. И проходы изменились. Я только что пытался пройти сквозь смородину.

— Где стояла старая, я не знаю, — сказала Вера. — Спро-

сим отца, когда отдохнёт.

Евфимий стряхнул с пальцев землю.

— У вас есть старый план? Хозяйственный. Где отмечали дорожки и посадки.

Вера подумала.

— В кладовой папка с ремонтами. Я по ней искала водосток для павильона. Там и участок нарисован, и деревья кружочками. Только всё разное: в одном месте сарай ещё есть, в другом уже нет.

— Это как раз нам подойдёт.

Из-за яблонь донёсся скрип колеса. Вера выпрямилась.

На верхней дорожке появился мужчина в светлом полотняном пиджаке. Он вёл за собой низкую тележку с двумя молодыми яблонями в обвязанных корнях. Полы пиджака были заложены за ремень; у виска темнела седина. Увидев Веру, он приподнял шляпу, но рук с тележки не снял.

— Привёз молодые прививки для показа. Только не оставляйте на солнце. У меня с утра половина питомника желает пить.

Вера пошла ему навстречу.

— Егор, вот наши гости.

Он выслушал имена, пожал Даше руку легко, заметив пластырь, и повернулся к Евфимию.

— Садовник?

— В том числе.

— Тогда придержите, пожалуйста, за корни. У колеса

шплинт вышел, я всю дорогу с ним договариваюсь.

Евфимий помог снять яблони. Поставил их в тень стены, проверил, не ослабла ли обвязка. У одного деревца тонкий побег оказался зажат под шнуром. Он придержал ствол, вытянул петлю, осторожно расправил листья и попросил Веру принести воды.

— Хорошо заметили, — сказал Егор. — Ещё полдня так повозить — остался бы рубец.

Пока Вера ходила к бочке, он присел у колеса. Евфимий опустился рядом. Вместо шплинта в отверстии торчала проволочка; её кончик разогнулся и тёр о ступицу. Егор достал из кармана короткие клещи, Евфимий придержал колесо. Через минуту тележка снова могла ехать.

— До сарая хватит, — сказал Егор. — А завтра настоящий поставлю.

Даша перенесла рабочий лист с каменной плиты на сухую скамью возле дома. Егор увидел рисунки, когда вытирал руки.

— Старый конверт? Вера вчера показывала. Пятно вокруг листа тоже переносить будете?

— Мы перенесли только рисунки, — ответила Даша.

Она вспомнила: вчера он видел сам конверт.

Егор наклонился к бумаге.

— Красиво будет под стеклом. Лидия умеет такие вещи устраивать. Можно поставить рядом ветки тех же деревьев.

— Сначала хотим понять, кому письмо, — сказал Евфи-

мий.

— По пяти листьям?

— По ним тоже.

Егор взял бумагу за край, поднёс к свету и посмотрел на неподписанный рисунок.

— Вяз. Основание посмотрите: с одной стороны ниже. У нашего, возле скамьи, такие же.

Евфимий не стал спорить. Позвал Веру, вернувшуюся с лейкой, и спросил, можно ли подойти к вязу с другой стороны, минуя скамью. Она показала узкую полосу травы вдоль ограды.

Даша пошла с ним. У скамьи одна ножка провалилась в землю, край доски держался на одном креплении. Евфимий обошёл её, не опираясь, пригнул доступную ветку и подождал, пока Даша приложит копию рядом с листом.

Основание и зубцы совпадали достаточно хорошо, чтобы вписать название. Само дерево могло оказаться другим, но последнее пустое место на их листке наконец заполнилось.

— Он прав, — сказал Евфимий.

Даша убрала карандаш.

— Ты как будто недоволен.

— Рад был бы и сам сразу увидеть.

Она улыбнулась.

— Теперь ты сам проверил.

Они вернулись к дому. Егор с Верой поливали корни привезённых деревьев; вода темнила обвязку и уходила в землю

у стены.

Даша спросила, помнит ли он, как ученики обозначали садовые адреса.

— У каждого были свои выдумки. И названия меняли. В один год у нас была «Аллея достойного поведения».

— Где она? — спросил Евфимий.

— За кухней. Там кислый щавель рос.

Егор отставил лейку. Теперь он смотрел на горшки у стены.

— А эту затею я не узнаю. Столько времени прошло. Если хотите показать письма на празднике, лучше взять те, где имена читаются.

— Мы пока никому их не обещали, — сказала Вера.

— Ну и правильно. Сначала надо со скамьями разобраться. На ту, у вяза, я бы вообще никого не пускал.

Он нашёл под стеной короткую жердь, положил поперёк подхода к скамье и спросил Веру, придёт ли плотник утром. Она кивнула. Егор взял пустую тележку и покатил её к сараю.

Вера повела гостей за яблони. На верхней площадке стоял павильон; часть его крыши закрывала парусина. Под карнизом темнел промежуток в снятой обшивке. У стены лежали длинные доски с торчащими гвоздями, на козлах сохли новые, светлые.

— Кровельщик показал на этот край, — сказала Вера. — Отсюда и вывалилось, по его словам.

Евфимий посмотрел снизу. За обшивкой виднелась ши-

рокая балка, но дальнего края разглядеть не удалось. Он попросил Веру завтра показать место вместе с мастером. Даша зарисовала в тетради снятую часть, отметила, какие доски Вера помнит лежавшими под ящиком. Одну с расколотым концом отложили под навес, к остальной сохранённой обшивке.

— Когда станцию переделывали, здесь тоже работали? — спросил Евфимий.

— Папа помнит лучше. Я тогда за стройкой не следила.

От павильона хорошо был виден весь сад. Евфимий проследил взглядом нынешнюю дорожку к дому, затем заросшую полосу у западной стены. Сложил рабочий лист так, чтобы не перегнуть нарисованные черешки.

— Пойдём за планом.

Кладовая оказалась прохладной. На полке сушились запасные стеклянные колпаки для рассады; в углу стоял мешок с золой. Вера принесла полотенце, протёрла узкий стол и сняла сверху плоскую папку, обтянутую выцветшей тканью.

На корешке было выведено: «Участок и починки». Внутри лежали счета, перечни досок, рисунки каменной ограды. Между счетами нашлась страница с жёлтым отпечатком засушенного листа.

— Это всё прежнего хозяйства, — сказала Вера. — Когда дом оставили саду, отец принёс сюда бумаги со станции. Потом я стала подкладывать свои.

Она вынула два свёрнутых плана. Новый был начерчен тушью на плотной бумаге, старый — карандашом поверх тонких синих линий. На обоих угадывались дом и южная стена с калиткой. Деревья были обозначены кружками и номерами. У старого плана поперёк середины шёл сгиб, затёртый почти добела.

Евфимий разворачивал его медленно, придерживая края ладонями. Даша поставила на угол чистую пустую чашку, Вера подложила под сгиб картон, оставленный Егором.

— Здесь кладите, — сказал Евфимий. — На этот край. Так не надо будет тянуть бумагу.

В новом плане от дома к вязу тянулась широкая дорожка. На старом она прерывалась у небольшого строения, а к западной стене вёл другой проход, огибавший яблони. Даша подвинула рядом рабочую копию письма.

— Мы сегодня здесь прошли?

Евфимий показал карандашом линию на новом плане.

— Здесь. А старая идёт ближе к ограде. Вон та плита за смородиной могла лежать на ней.

Он снял чашку, приподнял угол и сравнил оба рисунка у восточной стены. На новом плане возле дома стоял кружок. На старом в этом месте был пустой промежуток.

— Нынешняя липа, — сказала Вера.

— Да. Её ещё не было.

Остальные кружки оставались безымянными. Даша перевернула лист: с оборота просвечивали только те же линии.

— А номера где расшифрованы?

Вера отыскала в папке сложенную пополам тетрадь.

— В описи посадок. Я отсюда брала размеры грядок. Только надо будет понять, к которому плану она относится: здесь несколько лет подряд дописывали.

За окном звякнул колокол. На окно уже легла тень от яблонь; после светлого сада в кладовой темнело быстро.

Вера подошла к двери и позвала отца.

— Папа, мы старые посадки достали. Хотим понять, где липа стояла.

Из комнаты отозвался сонный голос. Вера вернулась и сказала, что пора показать гостям комнаты, пока там видно без лампы.

Евфимий посмотрел на Дашу. Она оставила палец на старой дорожке, потом убрала руку.

— Утром продолжим. С этой описи.

Он кивнул и помог Вере убрать планы на широкую полку. Тетрадь с описью она отнесла отцу. Рабочий лист с пятью названиями остался у них; к словам о черешках Евфимий приписал: «возможные повороты».

Комнаты были рядом, с окнами на реку. Вера отворила обе двери, оставила на столике свечу и спустилась разогреть ужин. Сумки, до сих пор стоявшие в прихожей, принёс Евфимий. Даша забрала свою и задержалась у его порога.

— Ты сегодня совсем другой.

Он поднял голову.

— Здесь я помню, куда смотреть. Не всегда правильно, как оказалось.

— Я не про это. Ты всё время куда-нибудь зовёшь меня. Обычно бывает наоборот.

В голубых глазах Евфимия мелькнула улыбка.

— А тебе не нравится?

Даша протянула ему сложенную шаль.

— Завтра опять позови.

Он принял её и коснулся губами Дашиного виска. Потом они вместе спустились к ужину.

На столе Вера уже поставила хлеб, миску творога с зеленью и чайник. У окна лежала опись посадок. Леонтий сидел возле неё в очках, открыв на странице с плотными столбцами цифр.

Даша остановилась у своего стула.

Старик провёл ногтем под одной записью.

— Старую липу, значит, ищете.

Глава четвёртая

Липа на прежнем месте

— Ищем, — ответил Евфимий. — Но сначала хотим понять, какой из планов её помнит.

Леонтий Андреевич подвинул опись к середине стола.

— Здесь на одном месте записывали, пока страница не кончится. Потом ещё на полях. Видите: новая рука, а год прежний. Это писарь торопился. Я ему говорил.

— И он исправил? — спросила Вера.

— На следующей странице. Там, где уже не требовалось.

Вера заглянула через его плечо и принесла из кладовой оба плана. На столе пришлось потеснить хлеб, а чайник временно получил в своё распоряжение табурет. Леонтий придержал пальцем нижний край старого листа. Там, возле сгиба, стояла бледная дата.

— За год до переезда станции, — сказал он. — Тогда дорожки перемеряли. Я колышки держал.

Даша нашла в тетради заголовок с тем же годом. Под ним шли номера, названия и короткие замечания о деревьях. Через несколько страниц начиналась другая дата; позднейшие записи отличались более тёмными чернилами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.